

УДК: 008(571.6)

Цивилизаторская миссия русского народа в культурном пространстве Тихоокеанской России и проблемы постсоветской интеграции

Вадим Анатольевич Тураев,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: v_turaev@mail.ru

В статье анализируется цивилизаторская миссия русского народа в культурном пространстве Тихоокеанской России. В содержательном отношении выделяются два аспекта: хозяйственное освоение тихоокеанских территорий и распространение европейских норм права и культурных ценностей среди коренных этносов. В качестве субъектов цивилизационного воздействия, от которых исходили основные импульсы преобразований, рассматриваются государство, церковь, простые русские люди — казаки, крестьяне, чиновники. Показаны слагаемые успешности цивилизаторской миссии: отсутствие у русских комплекса «народа-господина», чувства культурного превосходства над аборигенами, способность не только растворить в себе этническое многообразие евразийского пространства, но и самим стать частью этого многообразия, широкое распространение русского языка, охранительная политика правительства, оберегавшая коренные народы от возможных конфликтов с пришлым населением. Новой страницей в цивилизационном взаимодействии русского человека с его восточными соседями стало вхождение в состав России в середине 19 в. Приморья и Приамурья. Активное переселение на юг Дальнего Востока китайцев и корейцев оказалось возможным лишь с появлением там русских, сделавших данную территорию привлекательной для мигрантов. Продолжение цивилизаторской миссии русского/российского народа на евразийском пространстве в новых для РФ политических и экономических условиях рассматривается как важнейшая составляющая национальной безопасности. Показаны принципиальные различия интеграционного потенциала российской и западноевропейской цивилизаций в современных условиях.

Ключевые слова: Тихоокеанская Россия, цивилизаторская миссия русского народа, коренные народы, православная церковь, Россия в Китае и Китай в России, русская цивилизационная миссия в новых условиях, мультикультурализм как новая форма колониализма.

Civilizing mission of Russians in cultural space of Pacific Russia and problems of Post-Soviet integration.

Vadim Turaev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: v_turaev@mail.ru.

The article analyses the civilizing mission of Russians in cultural space of Pacific Russia. Two aspects are highlighted: the development of the Pacific territories and the spread of European rules of law and cultural values among indigenous ethnic groups. The sources of influence are government, church, ordinary Russian people — the Kozaks, farmers, civil servants who were among the initiators of reforms. The components of success of the civilizing mission are shown: absence of the complex “folk-master”, absence of the superiority feeling over aboriginal inhabitants, the ability to not only open the ethnic variety of Eurasian space but to become a part of this diversity, widespread occurrence of the Russian language, protective policy of the government which defended the indigenous people against possible conflicts with strangers. A new phase in the civilized interaction of Russians with their eastern neighbors was the incorporation of Primorye and Priamurye into Russia in the middle of the nineteenth century. Active resettlement of Chinese and Koreans to the South of the Far East was possible only with the appearance of Russians who had made this territory attractive for migrants. The continuation of the civilizing mission of Russians in Eurasian space in new political and economic conditions is regarded as a crucial component of national security. The fundamental differences of the integrative potential of Russian and West European civilizations in the current context are demonstrated.

Keywords: Pacific Russia, civilizing mission of Russians, indigenous people, orthodox Church, Russia in China and China in Russia, Russian civilizing mission under new conditions, multiculturalism as a new form of colonialism.

Для большинства мировых цивилизаций характерно наличие определённого этнического ядра, вокруг которого интегрируются другие родственные по своим социокультурным характеристикам народы. Исторически сложилось, что во все периоды становления и развития российской цивилизации её ядром и интегрирующим началом был и остаётся русский народ [19, с. 185]. При этом важнейшей особенностью его цивилизационной миссии является способность объединять вокруг себя не только родственные, но и весьма далёкие в генетическом и культурном отношении этносы.

Уже на ранних этапах истории мы видим угро-финские племена (весь, воль, мурома, мерь, чудь и др.) в дружном союзе со славянами [5, с. 223—224]. Славяно-угро-финский синтез стал изначальным в становлении российской цивилизации. В содержательном отношении это была консолидация угро-финских земель вокруг России [11]. О степени такого сплочения в терминах культурного взаимодействия можно говорить долго. Русский язык вобрал в себя огромный пласт угро-финской лексики. Угро-финские корни имеет

даже название российской столицы — Москва, где *моск* означает «болотистое место», а *ва* — «вода» или «река». Избушка на курьих ножках из русских народных сказок — лишь элемент строительной техники народов, живших на заболоченных землях. Берёза, как символ России, изначально была культовым деревом угро-финских племён, под которым они совершали жертвоприношения. С принятием христианства древний обряд трансформировался в православный праздник Троицы, во многом сохранив своё первоначальное языческое содержание. В этот день принято приносить в дом берёзовые ветки, завивать венки на молодых деревьях.

Позднее, на базе союза славяно-угро-финских народов, формировались новые этнополитические объединения. Призвание варягов положило начало расширению границ русской земли от Новгорода до Киева: в рамках одного государства оказались объединены все славянские племена.

Самым значительным результатом пятивекового сотрудничества с Византией стало принятие Русью православия, навсегда определившего содержание российской цивилизационной идеи и оказавшего огромное влияние на общественные отношения, архитектуру, философию, право, политику и мораль.

Сложнее обстояли дела с западными соседями, которые раньше русских обрели государственность классического типа, и, беспокойным миром кочевников на Юге. Однако Русь выдержала и набеги кочевников, и походы западных крестоносцев, и татаро-монгольское завоевание, объединив, в конечном итоге, все соседние тюркские земли. Политическая интуиция и инстинкт самосохранения позволили русскому народу создать государство с огромной территорией и многочисленным инациональным населением [19, с. 187]. Главной отличительной чертой этого процесса являлась интеграция разных культурных и политических традиций.

Призвание варягов способствовало распространению на славянских землях западной культуры. Нахождение в составе Золотой Орды отразилось на характере государственной власти. Византийское наследство особенно наглядно проявилось в национальной политике, позволявшей мирно уживаться с многочисленными, далеко не всегда доброжелательными соседями. Ещё Ф.М. Достоевский, характеризуя наиболее типичные для европейцев черты, писал, что русские сильны умением понимать и принимать другие народы, чьё существование никогда не было для русских конфликтующим фактором.

С вхождением в состав страны Сибири и Дальнего Востока начинается заключительный этап формирования российского государства-цивилизации. Русский человек, идя всё дальше на Восток, не просто раздвигал границы, но коренным образом менял качественные характеристики своего государства. В конечном итоге Московская Русь, унаследовавшая цивилизационную сущность от Византии, к началу XVIII в. превратилась в Российскую империю, объединившую в одном политическом пространстве народы разных культур, верований и традиций. Её рождение одновременно было и появлением государства-цивилизации, и началом принципиально

нового типа интеграционных процессов [3]. Без Сибири и Дальнего Востока прежняя Русь никогда бы не трансформировалась в Россию, не стала бы и планетарным цивилизационным образованием.

Когда говорят о цивилизаторской миссии, обычно имеют в виду распространение на той или иной территории высокой культуры и просвещения. Цивилизаторская миссия русского народа на берегах Тихого океана не является в этом отношении исключением. Для неё характерны два аспекта: хозяйственное освоение тихоокеанских пространств и приобщение местного населения к мировой культурной системе, известной как православное христианство, к европейским нормам права и культурным ценностям [25, с. 76—77].

Наиболее важным новшеством для коренных народов в области материальной культуры стало широкое распространение железа и изделий из него. Данный металл на Северо-Востоке Азии известен с начала I тыс. до н.э., но подлинная «железная революция» произошла лишь с появлением русских. Постепенно почти все каменные и костяные орудия, глиняная и деревянная посуда были заменены металлическими. С регулярным поступлением русского железа связан расцвет кузнечного ремесла у народов Северо-Востока.

Металлические орудия труда открывали аборигенам широкие возможности для обновления материальной культуры. Земляные юрты стали уступать место срубным избам уже в XVIII в. К 30-м гг. XIX в. появились также бани, скотные дворы и амбары. К концу XIX в. земляных юрт не было у западных оседлых коряков [14, с. 176]. Срубное домостроение с приходом русских получило широкое распространение у амурских народов. Революционные изменения произошли в изготовлении транспортных средств — долблёных лодок, нарт, скользящих лыж.

С русским цивилизационным влиянием связано не только обогащение материальной культуры, но и появление новых хозяйственных занятий. Так, ускорился процесс перехода от присваивающей экономики к производящему хозяйству — домашнему оленеводству. Одновременно оттеснялась на второй план охота на диких животных, игравшая до этого решающую роль в системе жизнеобеспечения. Распространению домашнего оленеводства способствовали расширение торговли, невозможной без активного перемещения, и ясачная политика государства. Необходимость уплаты ясака заставляла заниматься пушным промыслом, эффективность которого опять же зависела от обеспеченности охотника транспортными средствами.

Важным содержанием цивилизаторской миссии русского народа по отношению к аборигенам являлся их перевод к оседлости и занятию хлебопашеством, как более высокой стадии культурности. Это была трудная задача. Земледелие не вписывалось в картину мира коренных народов. Нанайцы, например, рассматривали всё вокруг как живой организм, а распашку земли воспринимали как сдирание шкуры с живого зверя [29, с. 54]. В таких условиях сделать из рыбака или охотника землепашца административным

принуждением было невозможно. Важнейшую роль сыграл русский крестьянин, на долю которого выпала обязанность приобщать «инородца» к европейской земледельческой культуре в её русском варианте, учить аборигенов пахать, косить, строить дома. Якутский историк И. Майнов писал по этому поводу: «Быстрое возникновение на глазах якутов колосющихся полей явилось более убедительным доказательством пользы земледелия, чем предписания администрации» [13, с. 131]. Уже к концу XIX в. на долю якутов приходилось более половины хлеба, выращенного в Якутии. Появились хозяйства, занимавшиеся производством хлеба на продажу [23, с. 277, 282]. В результате самая неблагоприятная в климатическом отношении часть российской территории стала пригодной для крестьянской жизни. Нелишне напомнить, что в Канаде на подобной широте сельского хозяйства нет вообще.

Одним из результатов русского влияния стало постепенное исчезновение у аборигенов кровной мести. Изменились и другие обычаи и обряды коренных народов. К XIX в. практически повсеместно перестали татуировать лица. Наземные способы захоронения, бытовавшие у многих этносов, уступили место захоронениям в земле. Начался процесс дробления больших семей на малые, что привело к изменению обычая наследования: мать, престарелый отец и незамужние сёстры стали оставаться с младшим братом, которому передавался дом, все семейные охранители и амулеты. Русское влияние не могло не сказаться на развитии индивидуалистических тенденций. Если раньше добыча делилась между всеми жителями селения, то теперь — преимущественно среди ближайших родственников. Коллективное распределение охотничьей добычи у эвенков (нимат) к концу XIX в. перестало распространяться на пушных зверей, рыбу и дичь.

С приходом русских более разнообразный характер приобрело межэтническое взаимодействие коренных народов региона. К издавна существовавшим традиционным формам обмена (продукция оленеводства на продукты морского зверобойного промысла и т.п.) добавилась новая обширная сфера взаимодействия — посредническая торговля. Её первопроходцами на Северо-Востоке были якуты, юкагиры и эвены, имевшие более тесные связи с русскими. Через них к другим аборигенам региона поступали железные изделия, новые орудия труда и материалы, продукты питания. С конца XVIII в. важную роль в посреднической торговле на Северо-Востоке стали играть чукчи и эскимосы. Торгово-обменные операции углубляли и расширяли межэтнические контакты. Развитие торгового посредничества оказало определённое влияние на социальное расслоение коренных народов, способствовало формированию в их среде имущественной дифференциации.

Вовлечение аборигенов в орбиту русской государственности оказало положительное влияние на их контакты между собой. Особенно важную роль в этом сыграло создание т.н. административных родов, когда в границах одного административного образования объединялись члены разных кровных родов, а в отдельных случаях и представители разных

народов [26, с. 144]. Это не только интенсифицировало контакты ранее разобщённых общин, но и дало мощный толчок переходу от родовых связей к территориальным. Формирование соседских общин на принципиально новой основе снижало конфликтный потенциал межродовых и межэтнических отношений, служило важным условием преодоления отчуждённости народов, укрепления их взаимодействия.

Основными субъектами цивилизационного воздействия на Дальнем Востоке выступали государство, церковь, простые русские люди — казаки, торговцы, крестьяне, чиновники. Именно от них исходили основные импульсы преобразований, однако на разных этапах российской истории роль указанных субъектов была не одинакова. Правительство долгие годы уклонялось от активной преобразующей деятельности, сознательно консервируя традиционные общественные отношения коренных народов. Интегрирующая миссия государства и его политических институтов стала более заметной со второй половины XIX в., но в полную силу развернулась уже в годы советской власти, когда практически все изменения в экономике, культуре, общественных отношениях инициировались Москвой. Главным действующим лицом в деле цивилизационного воздействия на протяжении почти трёх столетий оставался сам русский человек.

Первые десятилетия присутствия в регионе были далеко не безоблачными. Вовлечение новых территорий в орбиту русской государственности сопровождалось жёстким противостоянием. Конфликтный период во взаимоотношениях с аборигенами на Дальнем Востоке был значительно дольше, чем в Сибири. Русский человек смог безбоязненно покинуть стены острогов только к середине XVIII в., но уже через несколько десятков лет и коренные народы, и переселенцы не мыслили существования друг без друга. Показательны взаимоотношения с чукчами. Многочисленные силовые попытки превратить их в подданных русского государства успеха не имели, и правительство решило уйти с Чукотки, тем более что в экономическом отношении она была самой настоящей обузой. В 1771 г. Анадырский острог — форпост русского присутствия на Северо-Востоке — ликвидировали, а его гарнизон и жителей переселили в Гижигу и на Колыму. Непосредственные контакты с чукчами практически прекратились. И уже через несколько лет чукотские тойоны стали требовать вернуть русских на Анадырь [8, с. 244, 252]. Эти просьбы стали особенно настойчивы, когда на Чукотке появились американцы и другие носители западной цивилизации.

Казаки, промышленники не задумывались о выпавшей им цивилизаторской миссии. Встречаясь с местными этносами, они нередко называли их в своих отписках «людьми дикими». Однако этот эпитет почти никогда не носил оценочного характера, а лишь передавал удивление, что аборигены не понимают преимуществ политического подчинения русскому государству [7]. Такое непонимание, в представлениях русских, имело во многом извинительный характер: ну что с них взять, — дикие люди! У русских на Дальнем Востоке отсутствовало представление о своём культурном превосходстве над коренными народами.

Для русского человека не имели значения этнокультурное своеобразие его новых соседей, их антропологические особенности, бытовая непохожесть. Во всяком случае, непреодолимая пропасть между аборигенами и пришельцами, как это сплошь и рядом имело место в колониях западноевропейцев, отсутствовала. Характер и менталитет русских отличала удивительная пластичность, способность легко вступать в контакт с другими народами [19, с. 187]. По этой причине аборигены встраивались в русскую картину мира относительно безболезненно. Сделавшись ясачными, т.е. превратившись в разновидность податного сословия, к которому относились и русские, коренные этносы тем самым заняли своё место в сословной структуре государства, стали органичной частью его общества.

Русские не только несли инородцам собственные ценности, но и заимствовали многое от местных. Конечно, русская культура, русский язык, как более многосторонние и развитые, вобравшие достижения многих народов России и мира, больше отдавали, чем принимали, но этот процесс не имел доминирующего характера, тем более, что и по своей численности в регионе русские до середины XIX в. заметно уступали аборигенному населению. Историческим последствием такой формы сосуществования, когда отношения взаимно выгодны и обогащают друг друга, стало появление в регионе новых этнических сообществ — камчадалов, чуванцев, тазов.

Интеграции коренных народов в российский социум способствовала политика правительства, оберегавшая аборигенов от возможных конфликтов с пришлым населением: казакам и крестьянам запрещалось жить с ними в одних селениях. В конце XIX — начале XX в. русских, чей приток на Дальний Восток существенно возрос, продолжали селить отдельно. В случае необходимости власти могли идти и на выселение коренных этносов на другую территорию, такие факты имели место, в частности, на Камчатке. Принцип раздельного проживания и хозяйствования сохранялся на Дальнем Востоке в первые годы колхозного строительства. На Амуре, например, самостоятельные русские и аборигенные колхозы вначале создавались в границах одного поселения.

Политику по поддержанию раздельного проживания советские исследователи нередко рассматривали как одно из направлений национальной политики царизма, боявшегося сближения коренных этносов с русским народом [22, с. 10]. С такой оценкой вряд ли можно согласиться. Подобное отношение было обусловлено совсем другими мотивами, а именно — стремлением защитить коренные народы от притеснения и эксплуатации. Другое дело, что оно преследовало фискальные интересы. Не секрет: многие русские разных чинов и званий вели массовую скупку пушнины, а это не могло не отражаться на поступлении ясака. Местные органы власти были не в состоянии защитить инородцев, а зачастую и не хотели этого делать. В данных условиях раздельное проживание являлось единственно возможным способом хоть как-то ограничить торговую эксплуатацию. Запрет жить в одних селениях с аборигенами не касался русских, которые не занимались торговлей, а жили за счёт хлебопашества или «иноверческих промыслов». Правом

на совместное проживание могли воспользоваться и отставные служилые (казаки, сибирские дворяне), если получали разрешение от родовых общин.

Преимущества, которыми пользовались коренные народы, делали их сообщество весьма привлекательным. Ясачные повинности аборигенов были менее тяжелы, чем податные обязанности русского населения. Не случайно многие крестьяне стремились переписаться в сословие инородцев. Эта система взаимоотношений распространилась и на народы юга Дальнего Востока, вошедшие в состав российского государства, причём на первых порах их вообще освободили от каких-либо повинностей.

Приобщение аборигенов к российской цивилизации нельзя представить без широкого распространения русского языка, который был и остаётся способом взаимодействия представителей разных этнических культур. Посредством русского языка большинство населения и в прошлом, и в настоящем приобщается к мировому культурному достоянию, транслирует в мир собственные достижения. Широкое распространение русского языка ускоряло сближение народов, сплачивало российское общество. Одной из причин того, что в ЕС до сих пор отсутствует общая идентичность, является отсутствие единого для европейских народов языка.

Цивилизационное воздействие русского языка особенно проявилось в годы советской власти, осуществившей среди этносов Дальнего Востока подлинную культурную революцию. Благодаря русскому языку мировую известность приобрело творчество чукчей Юрия Рытхеу и Антонины Кымытваль, нанайца Григория Ходжера, удэгейца Джанси Кимонко, нивха Владимира Санги, коряка Владимира Косыгина, юкагира Улуро Адо, десятков других писателей, поэтов, учёных из числа аборигенов Сибири и Дальнего Востока. Переход больших и малых народов российского государства на русский язык не сопровождался при этом утратой их этнической идентичности и культурной самобытности.

Широкое распространение русского в мире (в интернете он второй по популярности)¹ во многом объясняется открытостью к заимствованию, что иногда рассматривают как угрозу существованию языка. Между тем, данное качество является залогом высокой жизнеспособности: лишь такой язык в состоянии не только вбирать в себя иноязычную лексику, но и превращать её в родную. Словарь иностранных слов, стоящий на полке автора данной статьи, содержит почти 20 тыс. слов, вошедших в русский язык, абсолютное большинство которых воспринимаются нами как родные. Об их происхождении без справочника судить невозможно. Русские диалекты и говоры Дальнего Востока заимствовали у аборигенов немалое число слов. Одни из них (яранга, унты, кухлянка, чум, кета, шаман и др.) вошли в русский литературный язык и стали широко известны на территории всей страны. Другие бытуют в языке местных русских, пополнили лексический фонд говоров. Удивительная способность превращать чужое

¹ Самые популярные языки Интернета. URL: <http://topmira.com/internet/item/34-web-languages> (дата обращения: 08.04.2016).

в своё — характерная черта не только русского языка, но и русской культуры в целом. Совершенно очевидно, что это и обусловило их высокую интеграционную потенцию.

Не последняя роль в цивилизационном воздействии на местное население принадлежит Русской православной церкви. При всех сложностях христианизации, при всей разности личностных качеств миссионеров, РПЦ удалось провести в жизнь главный принцип христианской традиции — миротворчество. Приобщая коренные народы к атрибутам православной культуры, церковь не стремилась проникнуть в их аборигенную душу, как это происходило в западноевропейских колониях. Приняв крещение, люди могли безбоязненно оставаться язычниками. Это взаимно признаваемое двоеверие стало фундаментом добрососедского сотрудничества. Церкви удалось, говоря словами митрополита Иннокентия (Вениаминова), «искореня ложные правила их традиционной нравственности, не оставить их вообще „без правил нравственности“». Принятие христианства привело к изживанию левирата, многожёнства, исчезновению протиестественных форм интимной жизни. Христианство способствовало более глубокому общению коренного и пришлого населения, помогало воспринимать русскую культуру, а через неё приобщаться к европейской цивилизации, к общему ритму жизни российского общества. Крещение ускорило социальную интеграцию аборигенов, поскольку вероисповедная рознь в те времена сильно затрудняла общение между людьми. Играя роль объединяющего фактора, православие формировало у коренных народов российскую идентичность, чувство принадлежности к российскому многонациональному государству.

Не особенно преуспев в мировоззренческих основаниях, Русская православная церковь, тем не менее, внесла заметный вклад в дело сплочения многоэтнического общества на Дальнем Востоке на базе единого конфессионального пространства, способствовала сокращению этнокультурной дистанции между русскими людьми и коренными народами. На протяжении весьма длительного периода церкви, монастыри и миссионерские станы были единственными центрами европейской культуры, способствовали распространению русского языка и грамотности. Труды духовенства привели к созданию якутской письменности, возникновению национальной литературы и газетного дела (первой газетой Якутии стали «Якутские епархиальные ведомости»). С просветительской деятельностью церкви связано обучение детей на родном языке, появление у ряда этносов первых представителей интеллигенции [27].

Российская цивилизация вряд ли бы состоялась на евразийском пространстве, если бы не изменялось её ядро — русский народ. На протяжении столетий в России происходило неуклонное сокращение этнической чистоты как русского, так и нерусского населения. Особый размах эти процессы приняли в XX в. В трёх последних поколениях этнически однородными могут себя считать лишь 60% русских и 40% нерусских. К концу XXI в. «чистые» русские составят менее половины. У нерусских этот процесс ещё интенсивнее: две трети их уже имеет русские корни.

Главным каналом размывания этнической однородности являются меж-этнические браки. При этом участие русских в них постоянно увеличивается. Если в старших возрастах нерусских респондентов доля русских родителей составляет 22%, то в молодёжной группе — более 40%. В этнически смешанных семьях рождается каждый десятый русский и каждый третий нерусский. У каждого третьего русского один из родителей был украинцем или белорусом, у каждого десятого — представителем тюрков и др. Характер этногенетических процессов свидетельствует, что в стране идёт формирование российского суперэтноса — этнической системы, возникающей на базе культурно-исторического единства входящих в неё народов. Историческая миссия русских в этих условиях состоит в том, чтобы растворить в себе этническое многообразие евразийского пространства и самим раствориться в этом многообразии [21, с. 86—93].

По мере того, как российское государство всё ощутимее наполнялось новым содержанием, оставляя в неприкосновенности свой русский фундамент, менялась и цивилизационно-интеграционная миссия. До середины XIX в. правительство не особенно вмешивалось в процесс взаимоотношений русских с местными народами, сквозь пальцы смотрело на растворение русских в аборигенной среде. Цивилизаторская миссия русского человека и государства долгие годы не имела идеологической программы. Правительство не объясняло, ради каких целей расширяются границы, включаются в состав страны другие народы [9, с. 41].

Ситуация изменилась, когда частью России стали Приамурье и Приморье, начал просыпаться после вековой спячки Китай, усилилось военное и экономическое могущество Японии, пристальный интерес к Дальнему Востоку проявили европейские государства.

Особенно обострился этот вопрос после поражения в Русско-японской войне, которое азиатские соседи России восприняли как цивилизационную победу над европейцами. В этих условиях встала задача не только сохранить за собой приобретённые территории, но и удержать на них культурное первенство, сделав их русскими в этнографическом отношении [18]. Решить её можно было, лишь заселив край русскими. На этом пути правительство, однако, столкнулось с непредвиденными трудностями. Из 22 тыс. крестьянских семей, переселившихся в Приморье в 1858—1914 гг., почти 70% являлись выходцами с Украины. Совокупная доля украинцев и белорусов в составе населения Южно-Уссурийского края составляла 88,6% [2, с. 21]. Оказавшись на Дальнем Востоке, они долгое время сохраняли свой язык и элементы бытовой культуры, что не могло не беспокоить чиновников, тем более что в Европейской России в этот период шёл болезненный для правительства процесс формирования украинской и белорусской наций. Создавать на Тихом океане новую Украину или Белоруссию не планировалось. На помощь пришла интегрирующая роль русского народа и его культуры. Выходцы из великорусских губерний, сильно уступавшие украинцам и белорусам по численности, оказались тем не менее ядром, вокруг которого начался процесс стихийного культурного объединения славянских народов.

Большая, чем на родине, приверженность общерусской идентичности делала поглощение украинцев и белорусов русскими лишь вопросом времени. Этот процесс по существу завершился уже в 30-х гг. XX в. [10, с. 210].

В середине XIX в. в систему цивилизационного взаимодействия на российском Дальнем Востоке оказались втянуты новые народы — китайцы и корейцы. Их активное переселение на российскую территорию, безусловно, связано с цивилизационной миссией нашей страны. Приамурье и Приморье стали интересны переселенцам только с появлением там русского человека [18], с возникновением городов, промышленных предприятий, всего того, чем привлекает мигрантов с Ближнего Востока и Африки современная Европа. Для своих соседей на Дальнем Востоке Россия выполняла эту функцию в XIX в.

Опыт интеграции в российский социум корейцев особенно показателен. Они без особых затруднений получали русское подданство, им выделяли земельные участки наравне с российскими гражданами. В правовом отношении корейцев приравнивали к русским сельским обществам, на представителей этого народа распространялись крестьянское самоуправление и общинные порядки, что способствовало расширению контактов с русскими, утрате некоторых национальных традиций. В частности, наметилась тенденция к переустройству корейских сёл по образцу русских селений. Менялись внешний вид и устройство корейских жилищ.

Хозяйственная адаптация корейцев на российской территории протекала достаточно успешно. Не отказываясь от своих традиций, они в то же время оказались весьма восприимчивы к заимствованиям, которые помогали приспособляться к новым условиям жизни. Сравнительно быстро корейцы отказались от рогатого скота в качестве тягловой силы и, по примеру русских крестьян, перешли к использованию лошадей [15].

Новые условия жизни, занятия и производственные отношения не могли не способствовать развитию этнокультурного взаимодействия корейцев и русских. Наиболее интенсивно процессы сближения происходили в городах. Там, где корейцы жили обособленно, обрусение шло медленнее. Приобщение к русскому образу жизни активнее происходило у мужчин, а также у тех, кто уже родился на русской земле. С принятием российского подданства у корейцев проявилось более осознанное стремление понять русскую культуру, русскую историю, овладеть русским языком, приобщиться к православной религии. Несмотря на сложности, которые выпали на долю корейцев в годы советской власти, абсолютное их большинство не изменило своей новой родине.

В отличие от корейцев, китайская миграция носила ярко выраженный отходнический характер, что не могло не отражаться на интеграционных процессах. Несмотря на присущие китайским мигрантам специфические особенности (закрытость, тесные связи с родиной и др.), взаимодействие русского и китайского населения тем не менее происходило. И те, и другие знакомились с бытом и традициями соседей, особенностями культуры и ментальности. Русских подкупало радушие китайцев. Пищевую модель

переселенцев пополнили заимствования из китайской кухни: крестьяне по достоинству оценили противогинготные свойства черемши, тонизирующий эффект ягод лимонника, копировали приёмы традиционной китайской медицины.

Цивилизационное взаимодействие с китайскими отходниками на территории российского Дальнего Востока заметно тормозилось отношением к китайскому присутствию местной администрации. Власть пугала растущая численность этого народа. К 1910 г. в регионе насчитывалось, по данным статистики, более 110 тыс. китайцев. В реальности их было значительно больше [12, с. 14—18]. Настороженное восприятие властью присутствия китайцев на Дальнем Востоке не могло не отражаться и на отношении к ним населения.

Воспринимая себя временными жителями, китайцы не стремились укорениться в российском обществе, что не мешало им активно участвовать в социально-экономических процессах на российском Дальнем Востоке. Китайских рабочих активно нанимали частные предприятия, массовым стал труд представителей этого народа в качестве прислуги. Активное участие мигрантов в революционных событиях, накопленный опыт в идеологической и политико-преобразовательной деятельности был впоследствии широко использован ими у себя на родине [6]. Не меньшее цивилизующее значение для традиционного Китая имели освободительная миссия Советского Союза в годы Второй мировой войны, активное участие СССР в индустриализации КНР в 1950-е гг.

С большей эффективностью происходило цивилизационное взаимодействие на территории самого Китая. К середине 1920-х гг. в Маньчжурии проживало более 200 тыс. русских [4, с. 75]. Строительство КВЖД дало мощный импульс прогрессивному развитию экономики Китая. Одним из примеров успешного влияния русской культуры может служить распространение в стране русской земледельческой традиции и технологий земледельческого производства.

На полях Маньчжурии появились новые сельскохозяйственные культуры, заимствованные у русских, — лён, овёс, рожь, сахарная свёкла. От русских переняли выращивание некоторых сортов пшеницы. Быстро завоевали популярность сорта картофеля, помидоров, огурцов, моркови, белокочанной капусты. В повседневном питании китайцев стали использоваться русские огородные растения — лук репчатый, петрушка, салат кочанный, укроп, хрен, спаржа. Русские переселенцы завезли в Маньчжурию клубнику. Китайские огородники быстро освоили эту культуру и превратились в основных её поставщиков на городские рынки. Знания и труд наших соотечественников стали определяющими в создании новых сортов полевых культур, плодовых деревьев и ягодных кустарников, широко распространённых ныне на полях и в садах жителей соседних с РФ провинций КНР.

От русских была перенята выпечка хлеба из пшеничной и ржаной муки. Этот хлеб получил распространение среди китайского населения Маньчжурии под искажённым названием «леба» или «да леба» (большой хлеб),

а также «сайкэ» (сайка). Русские привили местному населению и пришлым китайским колонистам в Маньчжурии употребление молока² и продуктов его переработки, положив тем самым, начало новой отрасли сельскохозяйственного производства — молочного животноводства [4].

Цивилизационные контакты с китайскими соседями, к сожалению, не получили тогда должного развития. Причин тому много, одна из важнейших — смена государственного строя в России. С приходом советской власти диалог российского Дальнего Востока с зарубежными соседями прервался и начинается сегодня, по существу, с чистого листа, повторяя те же ошибки.

В настоящее время РФ переживает далеко не лучшие времена в своей многовековой истории. Означает ли это, что историческая цивилизационно-интеграционная миссия страны на евразийском пространстве, в т.ч. и на Дальнем Востоке, завершена? А если ей суждено продолжаться, то в чём она должна заключаться в новых условиях? На этот счёт есть разные мнения.

В. Багдасарян, например, убеждён, что судьба российской цивилизационной миссии на евразийском пространстве во многом будет зависеть от того, что сможет предложить РФ в новых условиях своим новым-старым соседям: «Ранее она несла особую идеологию, поднимающую статусность принявших её народов. Сегодня такой идеологии нет. Ранее как Российская империя, так и Советский Союз выступали также транслятором технологии индустриализма. Образ русского ассоциировался в национальной периферии с распространением передовой науки и образования. Это позиционирование сегодня также утеряно» [3].

Трудно не согласиться с таким утверждением. Без ответа на вопрос, что может предложить российская цивилизация странам постсоветского пространства, сложно говорить о её интегрирующей миссии. Совершенно очевидно, однако, что российского газа и автоматов Калашникова для этого явно недостаточно. Стране нужна серьёзная модернизация, равная по своим последствиям индустриализации 30-х гг. Нельзя к тому же забывать, что цивилизационная миссия русского государства (и имперского, и советского) гарантировала большим и малым народам на евразийском пространстве и более важные преимущества, чем технологическая продвинутость. Для одних интеграция с Россией означала право на жизнь — за 400 лет русского присутствия на этой территории не исчез ни один даже самый маленький народ. Для других союз с нашей страной открывал перспективу неуклонного восхождения по ступеням общественного прогресса. В XX в. в рамках российской цивилизации возникло несколько десятков национально-государственных образований разной степени самостоятельности. По поводу их самостоятельности в последние годы звучало немало скептических оценок. Однако в каждом создавалась новая экономика, формировались собственные политические, научные, культурные

² «Китайцы не пьют коровьего молока, — писал Д.В. Пришвин, — потому что в этом случае нужно будет считать корову мамой» [16].

институты, современные этнические элиты. Те образования, которые обладали бóльшим демографическим и этнополитическим потенциалом, логика цивилизационного развития рано или поздно должна была привести к суверенному государственному существованию, что и произошло в начале 1990-х гг.

Скажем честно, самостоятельность некоторых из них являлась вынужденной, по справедливому замечанию В.А. Тишкова, они были «вытолкнуты в самостоятельность» [24, с. 26]. Будущее этих государств, и тех, кто внутренне созрел для самостоятельного существования, и тех, кто вынужденно вступил на этот путь, зависит теперь от многих факторов, и один из важнейших — будет ли востребовано в их автономной жизни российское цивилизационное наследие. Как показывает печальный опыт Украины, Грузии, Молдовы, некоторых других постсоветских государств, отказ от него оборачивается политическим хаосом, хозяйственной деградацией, распадом государственности и потерей самостоятельности.

Иногда кажется, что антирусские и антироссийские настроения в некоторых республиках бывшего СССР есть не что иное, как неосознанная месть за предательство, которое совершила по отношению к ним ельцинская Россия, оставившая свою интеграционную миссию, бросившая их на произвол судьбы, отдав во власть местным нуворишам и психически неустойчивым националистам.

Современная РФ отказалась от своей цивилизационной миссии не только по отношению к недавним соотечественникам, но и к собственным гражданам. Именно к таким неутешительным выводам приходишь, когда видишь, что происходит сегодня у коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Материальная основа их существования, создававшаяся в годы советской власти, разрушена, ничего нового не создано. Безработица в национальных сёлах достигает 50—70%. Исчез смысл жизни, образовавшуюся пустоту нечем заполнить, кроме водки. Новая Россия, признав неверную ориентацию советской национальной политики на Севере, не нашла ничего лучшего, как вернуть коренные народы к традиционному образу жизни, к которому большинство из них уже не готовы. Вот такой цивилизационный кульбит.

Совершенно очевидно, что наполнить цивилизаторскую миссию русского народа содержанием, присущим ей в недалёком прошлом, в новых условиях не получится. Мир изменился, выросли из коротких штанов и наши нерусские граждане, и наши бывшие соотечественники. Нешуточные вызовы стоят и перед самим русским народом. Серьёзную опасность для России как самостоятельной цивилизации, а следовательно, и для её интеграционной миссии, представляет растворение русского языка и культуры в глобализационном потоке. «Сегодня русский цивилизационный ареал, — пишет В. Аверьянов, — стоит перед небывалым вызовом: идёт неуклонное убывание нашего этнокультурного ядра, русские (в широком смысле слова) уходят с окраин исторической России, их становится всё меньше и в бывших советских республиках, и на Дальнем Востоке,

и в Сибири, и в исконно русской провинции. Вместе с уходом отовсюду русских уходит и русский язык, и русская культура» [1].

Вряд ли нужны цифры, подтверждающие справедливость такой оценки. Достаточно сказать, что только на Дальнем Востоке численность русских (опять же в широком смысле этого слова) сократилась в 1989—2010 гг. на 1,5 млн чел. Вместе с русскими с административной карты Дальнего Востока исчезают и ставшие ненужными населённые пункты. В Хабаровском крае, например, в период между переписями 1989 и 2002 гг. прекратило существование более 150 сельских поселений [20, с. 88]. Процесс опустынивания продолжается. Три четверти современной территории Дальнего Востока — это безжизненные пространства³. Невольно возникает вопрос: русская цивилизационная миссия на Дальнем Востоке замерла или завершилась окончательно?

Убывание этнокультурного ядра «старых» цивилизаций, о котором пишет В. Аверьянов, судя по всему, характерная черта современного глобализационного процесса. Достаточно посмотреть на Европу и то, что там происходит. Однако миграционные проблемы, с которыми столкнулась западноевропейская цивилизация, не дают, на наш взгляд, оснований распространять их негативные последствия и на другие цивилизационные системы. У каждой из них свои адаптационные ресурсы и способы преодоления проблем.

В Западной Европе основная доля иммигрантов отчуждена от принимающего общества. В Нидерландах или Великобритании, например, можно прожить 20 и 30 лет, но так и не стать своим. Больше того, второе поколение мигрантов ощущает отчуждение даже в большей степени, чем их родители. Европейцы готовы принимать мигрантов в качестве рабочей силы, источника экономического развития своих стран, но не как сограждан. На этом неприятии выросла европейская политика мультикультурализма, которая не сплачивает, а разобщает общество. Не хочется делать обобщений, но трудно избавиться от мысли, что европейский мультикультурализм, упакованный в модную обёртку прав человека и толерантности, очень напоминает новую форму колониализма. Раньше эксплуатация «туземцев» осуществлялась на периферии цивилизованного мира, нынче — в родных стенах метрополии.

Специфику российской цивилизации, её интеграционный потенциал составляют историко-культурная причастность к Европе и богатый опыт тесного взаимодействия с Востоком. Из этого дуализма вытекают цивилизационные практики. Русское государство на протяжении всей истории в целом мирно уживалось и с представителями других народов, и с носителями других религиозных систем. Увеличение нерусского населения имело всего лишь одно последствие — рост численности смешанных браков. Дети

³ Во многих документах США, посвящённых стратегии развития отношений с Россией, фигурирует такая формула: «...если на квадратном километре живёт меньше 5 человек, эта территория не может принадлежать Российскому государству». Её надо рассматривать как достояние всего человечества [28].

в таких союзах, как уже говорилось выше, чаще всего выбирали и выбирают русскую национальность, становясь таковыми по культуре и самосознанию. Узкий разрез глаз и смуглость кожи, странный русский язык ничуть не мешали им иметь с русским человеком, говоря словами Чаадаева, «общую физиономию» [30, с. 5], уверенно чувствовать себя в потоке русской жизни.

Несмотря на трудности, переживаемые современной Россией, её экономический, интеллектуальный и культурный потенциал всё ещё привлекателен для миллионов наших бывших соотечественников, следовательно, её цивилизационная миссия отнюдь не исчерпана. Главное не отказываться от такой миссии. И самое первое, что нужно сделать на этом пути, — избавиться от ксенофобии в отношении бывших соотечественников, у многих из которых ещё жива память о принадлежности к советскому народу. К сожалению, пока это не очень получается. И правительство, и политическая элита озабочены лишь «совершенствованием процессов регулирования трудовой миграции», которое всё отчётливее напоминает политику свёртывания миграции из стран бывшего СССР. Уже одно это означает отказ от российской цивилизационно-интеграционной миссии, которую выполняла страна на евразийском пространстве несколько столетий. Миллионы наших бывших соотечественников, хлебнувших прелести самостоятельной жизни в национальных государствах, по традиции и с надеждой смотрят пока в сторону России. Пока смотрят. Вечно это продолжаться не будет. Новые поколения потенциальных мигрантов уже ищут и находят другие страны для миграции. Вряд ли это отвечает нашей национальной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аверьянов В. Пределы русскости // PRAVAYA.RU: православно-политический сайт. URL: <http://pravaya.ru/expertopinion/116/11756> (дата обращения: 05.02.2016).
2. Аргудяева Ю.В. Проблемы этнической истории восточных славян Приморья и Приамурья // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Южно-Сахалинск, 1994. С. 19—21.
3. Багдасарян В. Цивилизационная миссия России и перспективы постсоветской интеграции // RUSRAND.RU: сайт центра научной политической мысли и идеологии. URL: <http://rusrand.ru/analytics/tsivilizatsionnaja-missija-rossii-i-perspektivy-postsovetskoj-integratsii> (дата обращения: 02.02.2016).
4. Белоглазов Г.П. Русская земледельческая культура в Маньчжурии (середина XVII — первая треть XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2007. 184 с.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.
6. Залесская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Благовещенск, 2009. 42 с.
7. Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России: учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2007. 120 с.
8. Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая пол. XVII—XVIII век). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 444 с.

9. Зуев А.С. Российское государство и народы Сибири: характер и этапы взаимоотношений во второй половине XVI — начале XX в.: учеб. пособие. Новосибирск, 2011. 188 с.
10. Кабузан Н. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719—1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: БЛИЦ, 1996. 352 с.
11. Каминский А. Угро-финны стояли у истоков российской государственности // EPOCHTIMES.RU: новостной портал. URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/41785/54/> (дата обращения: 23.01.2016).
12. Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М.: Муравей, 2003. 223 с.
13. Майнов И.И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края // Труды ВСО РГО. Т. 13. Вып. 2. Иркутск, 1898. 214 с.
14. Огрызко И.И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII — начало XX веков). Л.: ЛГУ, 1973. 192 с.
15. Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60—90-е годы XIX в. Владивосток: ДВО РАН, 2000. 304 с.
16. Пришвин Д.В. Путевой дневник 1931 года // Рубеж. 2006. № 6. С. 201—280.
17. Ремнёв А.В. Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими. К вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX — начала XX века // Электронный журнал «Сибирская Заимка». URL: http://zaimka.ru/03_2002/remnev_motivation/ (дата обращения: 11.11.2015).
18. Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: оценки и прогнозы имперских экспертов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 17—64.
19. Россия как цивилизация: сибирский ракурс. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2008. 261 с.
20. Россия 2002—2005: соц.-демогр. ситуация: XII анализ. доклад. М.: Наука, 2008. 311 с.
21. Рыбаковский Л.Л., Сигарева Е.П., Харланова Н.Н. Этнический фундамент населения России // ISRAS.RU: официальный портал Института социологии Российской академии наук. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/04-2001/013Rybakovskij.pdf> (дата обращения: 11.11.2015).
22. Сем Ю.А. Организация управления народами юга Дальнего Востока (XVIII — начало XIX вв.) // Фольклор и этнография народов Севера. Якутск, 1998. С. 3—25.
23. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993. 736 с.
24. Тишков В.А. «Евразия» как метафора и о миссии российской нации // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 22—28.
25. Тишков В.А. Российский народ как европейская нация и его евразийская миссия // Политический класс. 2005. № 5. С. 73—81.
26. Туголуков В.А. Эвенки // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 129—154.
27. Тураев В.А. Русская православная церковь и коренные малочисленные народы Дальнего Востока (XVII—XIX вв.) // Вестник ДВО РАН. 2012. № 4. С. 85—93.
28. Фалин В. Если молча поднять лапки, Вашингтон низведёт Россию до индейской резервации // Комсомольская правда. 2015. 14 января.
29. Ходжер Г.Г. Амур широкий. Кн. 1. М., 1975. 240 с.
30. Чаадаев П. Философические письма // 100BESTBOOKS.RU: 100 лучших книг. URL: http://www.100bestbooks.ru/files/Chaadaev_Filosoficheskie_pisma.pdf (дата обращения: 21.03.2016).

REFERENCES

1. Averyanov V. *Predely russkosti* [Limits of Russianness]. Available at: <http://pravaya.ru/expertopinion/116/11756> (accessed 05.02.2016). (In Russ.)
2. Argudyaeva Yu.V. Problemy etnicheskoy istorii vostochnyh slavyan Primor'ya i Priamur'ya [Problems of ethnic history of East Slavs in Primorye and Priamurye]. *The Slavs in the Far East: problems of history and culture* [Slavs in the Far East: historical and cultural problems]. Yuzhno-Sakhalinsk, 1994, pp. 19–21. (In Russ.)
3. Bagdasaryan V. *Civilizacionnaya missiya Rossii i perspektivy' postsovetsoj integracii* [Civilizing mission of Russia and prospects of Post-Soviet integration]. Available at: <http://rusrand.ru/analytics/tsivilizatsionnaja-missija-rossii-i-perspektivy-post-sovetsoj-integratsii> (accessed 02.02.2016). (In Russ.)
4. Beloglazov G.P. *Russkaya zemledel'cheskaya kul'tura v Man'chzhurii (seredina XVII — pervaya tret' XX v.)* [Russian agriculture in Manchuria (the middle of the 17th century — the first third of the 20th century)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2007, 184 p. (In Russ.)
5. Danilevskij N.I. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991, 576 p. (In Russ.)
6. Zaleskaya O.V. *Kitajskie migranty' na Dal'nem Vostoke Rossii*. Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk [Chinese immigrants in the Far East of Russia. Dr. hist. sci. diss.]. Blagoveshchensk, 2009, 42 p. (In Russ.)
7. Zuev S.A. *Otechestvennaya istoriografiya prisoedineniya Sibiri k Rossii: Uchebnoe posobie* [National historiography of incorporation of Siberia into Russia: textbook]. Novosibirsk, NSU Publ., 2007, 120 p. (In Russ.)
8. Zuev A.S. *Prisoedinenie Chukotki k Rossii (vtoraya pol. XVII—XVIII vek)* [Incorporation of Chukotka into Russia (the second half of the 17–18th century)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN Publ., 2009, 444 p. (In Russ.)
9. Zuev A.S. *Rossijskoe gosudarstvo i narody' Sibiri: karakter i etapy vzaimootnoshenij vo vtoroj polovine XVI — nachale XX v.: Uchebnoe posobie* [Russian state and the people of Siberia: character and stages of mutual relations in the latter half of the 16th century — at the beginning of the 20th century: textbook]. Novosibirsk, 2011, 188 p. (In Russ.)
10. Kabuzan N. *Russkie v mire. Dinamika chislennosti i rasseleniya (1719—1989). Formirovanie e'tnicheskikh i politicheskikh granic russkogo naroda* [Russians in the world. Population and settlement dynamics (1719–1989). Formation of ethnic and political borders of Russians]. Saint Petersburg, BLITZ Publ., 1996, 352 p. (In Russ.)
11. Kaminsky A. *Ugro-finyj stoyali u istokov rossijskoj gosudarstvennosti* [The Finno-Ugric peoples stood at the origins of Russian statehood]. Available at: <http://www.epochtimes.ru/content/view/41785/54/> (accessed 23.01.2016). (In Russ.)
12. Larin A.G. *Kitajcy' v Rossii vchera i segodnya: istoricheskij ocherk* [Chinese in Russia yesterday and today: historical sketch]. Moscow, Muravey Publ., 2003, 223 p. (In Russ.)
13. Maynov I.I. Nekotory'e dannye o tungusax Yakutskogo kraja [Some information about the Tungus peoples of the Yakutia Republic]. *Trudy VSO RGO. T. 13, vyp. 2* [Proceedings of East-Siberian department of the Russian Geographical Society. Vol. 13, no. 2]. Irkutsk, 1898, 214 p. (In Russ.)
14. Ogryzko I.I. *Ocherki istorii sblizheniya korennoho i russkogo naseleniya Kamchatki (konec XVII — nachalo XX vekov)* [Essays of the history of convergence of indigenous and Russian population of Kamchatka (the end of the 17th — the beginning of the 20th century)]. Leningrad, LGU Publ., 1973, 192 p. (In Russ.)
15. Petrov A.I. *Koreyskaya diaspora na Dal'nem Vostoke Rossii. 60—90-e gody XIX v.* [Korean diaspora in the Russian Far East. The 60–90s of the 19th century]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 2000, 304 p. (In Russ.)

16. Prishvin D.V. Putevoj dnevnik 1931 goda [Itinerary of 1931]. *Rubezh*, 2006, no. 6, pp. 201—280. (In Russ.)
17. Remnev A.V. Sdelat' Sibir' i Dal'nij Vostok russkimi. K voprosu o politicheskoy motivacii kolonizacionny'h processov XIX — nachala XX veka [To make Siberia and the Far East Russian. The question of political motivation of colonization processes of the 19th — the beginning of the 20th centuries]. *Jelektronnyj zhurnal "Sibirskaja Zaimka"*. Available at: http://zaimka.ru/03_2002/remnev_motivation/ (accessed 11.11.2011). (In Russ.)
18. Remnev A.V., Suvorova N.G. Upravlyaemaya kolonizaciya i stihijny'e migracionny'e processy' na aziatskih okrainah Rossijskoj imperii: ocenki i prognozy' imperskih ekspertov [Controlled colonization and spontaneous migration processes in the outskirts of the Russian Empire: assessments and predictions of imperial experts]. *Migracii i diasporj' v sociokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX—XX i XX—XXI vekov* [Migrations and diasporas in sociocultural, political and economic space of Siberia. The turn of the 19—20th centuries and 20th—21st centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2010, pp. 17—64. (In Russ.)
19. *Rossiya kak civilizaciya: sibirskij rakurs* [Russia as civilization: Siberian perspective]. Novosibirsk, Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo Publ., 2008, 261 p. (In Russ.)
20. *Rossiya 2002—2005: sots.-demogr. situatsiya: XII analit. doklad* [Russia 2002—2005: socio-demographic situation: 12th analytical report]. Moscow, Nauka Publ., 2008, 311 p. (In Russ.)
21. Rybakovsky L.L., Sigareva E.P., Kharlanova N.N. *E'tnicheskij fundament naseleniya Rossii* [Ethnic base of the population of Russia]. Available at: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/04-2001/013Rybakovskij.pdf> (accessed 11.11.2011). (In Russ.)
22. Sem Yu.A. Organizaciya upravleniya narodami yuga Dal'nego Vostoka (XVIII — nachalo XIX vv.) [Organisation of people control in the South Far East (18th century — the beginning of the 19th century)]. *Fol'klor i e'tnografiya narodov Severa* [Folklore and ethnography of the peoples of the North]. Yakutsk, 1998, pp. 3—25. (In Russ.)
23. Seroshevskiy V.L. *Yakutyi. Opyit etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts. Ethnographic research experiment]. Moscow, 1993, 736 p. (In Russ.)
24. Tishkov V.A. "Evraziya" kak metafora i o missii rossijskoj nacii ["Eurasia" as a metaphor and about the mission of the Russian nation]. *VI Kongress etnografov i antropologov Rossii. Tezisy' dokladov* [6th congress of ethnographers and anthropologists of Russia. Proceedings]. Saint Petersburg, MAE RAN Publ., 2005, pp. 22—28. (In Russ.)
25. Tishkov V.A. *Rossiyskij narod kak evropeyskaya natsiya i ego evraziyskaya missiya* [Russians as a European nation and its Eurasian mission]. *Politicheskij klass*, 2005, no. 5, pp. 73—81. (In Russ.)
26. Tugolukov V.A. Jevenki [Evenki]. *Jetnicheskaja istorija narodov Severa* [Ethnic history of the peoples of the North]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 129—154. (In Russ.)
27. Turaev V.A. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i korennyie malochislennyye narodyi Dalnego Vostoka (XVII—XIX vv.) [Russian Orthodox Church and indigenous small-numbered peoples of the Far East (17—19th centuries)]. *Vestnik DVO RAN*, 2012, no. 4, pp. 85—93. (In Russ.)
28. Falin V. Esli molcha podnyat' lapki, Vashington nizvedet Rossiyu do indeyskoj rezervatsii [In case of silence, Washington will bring Russia down to Indian reservation]. *Komsomolskaya pravda*, 2015, January, 14. (In Russ.)
29. Hodzher G.G. *Amur shirokiy. Kn. 1* [Wide Amur. Book 1]. Moscow, 1975, 240 p. (In Russ.)
30. Chaadaev P. *Filosoficheskie pis'ma* [Philosophic letters]. Available at: http://www.100bestbooks.ru/files/Chaadaev_Filosoficheskie_pisma.pdf (accessed 21.03.2016). (In Russ.)